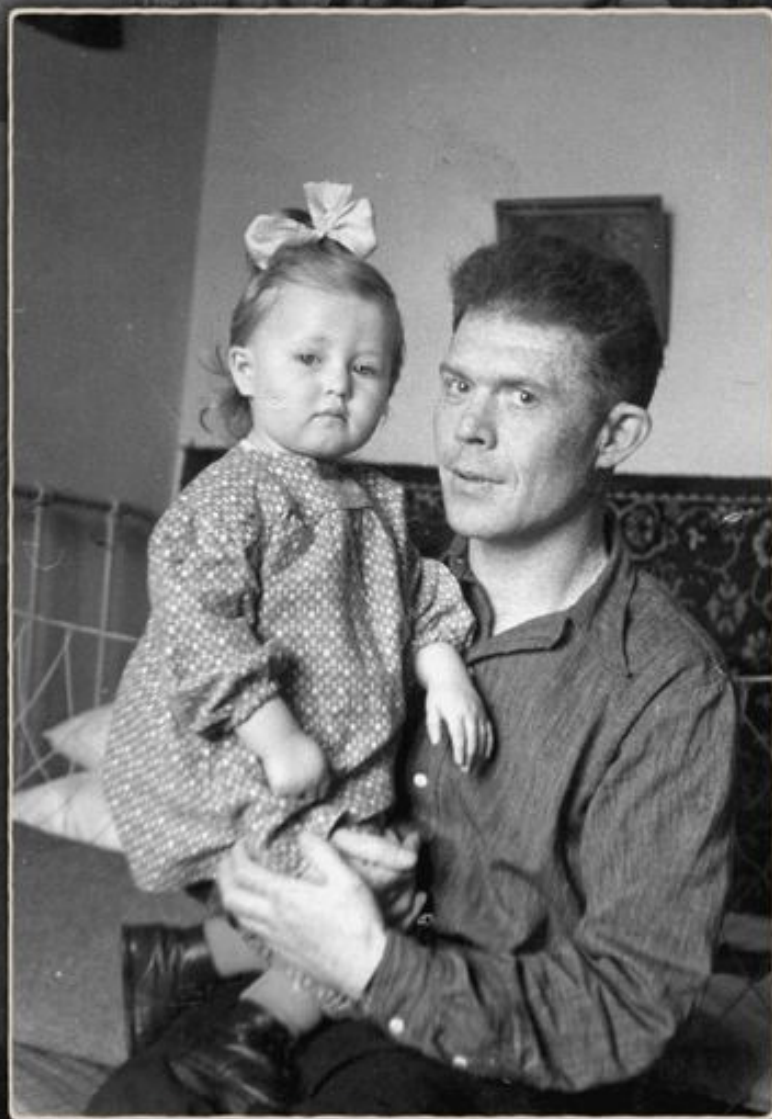

12+

ЕВГЕНИЯ ДЕМИДОВА

КАК Я ИСКАЛА НАХМАНСОНОВ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Евгения Демидова

**Как я искала Нахмансонов.
Генеалогический детектив**

«Издательские решения»

Демидова Е.

Как я искала Нахмансонов. Генеалогический детектив /
Е. Демидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-623747-6

Вдохновляющий и любопытный рассказ о восстановлении своих генеалогических связей. С одной стороны, автор воссоздает многоликий портрет своего рода и его историю — уникальную в личных воспоминаниях и при этом такую типичную в контексте непростой истории Российской империи и Советского Союза. С другой стороны, книга читается как детективное расследование, в котором желание узнать свои корни и упорные самостоятельные поиски приводят к удивительным результатам и неожиданным знакомствам.

ISBN 978-5-00-623747-6

© Демидова Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Детство и родители	7
О семье Хайкиных	8
История дедушки – Хайкина Семена Исаевича	13
История бабушки – Хайкиной Фани Эммануиловны	17
Жизнь семьи Хайкиных	21
Наша семья родилась	22
История мамы	22
О папе	24
Мама с папой встретились	25
О родственниках в Оренбурге	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Как я искала Нахмансонов Генеалогический детектив

Евгения Демидова

Редактор Наталья Шевченко

Корректор Татьяна Князева

© Евгения Демидова, 2024

ISBN 978-5-0062-3747-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я, Евгения Борисовна Демидова, урожденная Нахмансон, давно вынашивала замысел этой книги. Хочу рассказать о своем детстве, о родных людях, которые меня окружали. О том, как я думала, что знаю все о своих семейных корнях, и как выяснилось, насколько мало я знаю даже о самых близких родственниках. Хочу поделиться открытиями и находками, которые ждали меня на долгом пути воссоздания семейной истории.

Надеюсь, что это будет интересно моим детям, внукам, родным, друзьям и познавательно для тех, кто решит заняться историей своего рода.

Детство и родители 1952—1959 годы

Я стою в детской кроватке, держусь за боковую стенку с перекладинами. В комнате горит свет, значит, утро, наверное, зимнее. Я вижу в зеркале, висящем напротив кроватки, лицо папы, он бреется, стоя ко мне спиной. Я, правда, не вполне уверена, действительно ли помню это, или в памяти возникает одна из семейных фотографий.

Мне меньше трех лет, мама уверяет, что не могу я такого помнить, но эта комната, небольшое зеркало, папино лицо, молодое и худое, стоят у меня перед глазами. Бритва опасная, она долго хранилась в наших семейных вещах, в квартире родителей...

Комната, в которой все это происходит, располагалась в коммунальной квартире на улице Кирова, д. 4, в городе Оренбурге, в то время еще Чкалове. Это первое жилье нашей семьи, семьи Нахмансон. Фотографию этого дома я нашла в книге «Оренбургэнерго: Годы. События. Люди»¹: после строительства он заселялся энергетиками. Потом отыскала этот дом на карте города Оренбурга – он и сейчас существует.

Итак, моя семья.

¹ Оренбургэнерго: Годы. События. Люди: 1943—2003. Оренбург, 2003.

О семье Хайкиных

Мама – Нахмансон Софья Семеновна, в девичестве Хайкина. Родилась в Куйбышеве (тогда Самаре) в 1923 году в семье старых большевиков. «Старые большевики» – вполне официальный термин: это люди, пришедшие в партию до революции и ее, революцию, собственно своими руками и сделавшие. И мои бабушка и дедушка с маминой стороны – именно такие люди и есть. Из «Википедии»:

В 1922 году было организовано Всесоюзное общество старых большевиков при Истпарте, основным требованием к вступлению в которое было наличие непрерывного партийного стажа в течение 18 лет (то есть по состоянию на год создания общества с 1904 года).

Впоследствии критерии причисления к «старым большевикам» стали менее строгими. Этим объясняется, что первоначально в Общество старых большевиков было принято только 64 человека, а к концу прекращения деятельности общества (1934 год) в нем состояло уже более 2000 членов. При этом сами «старые большевики» в 1927 году возражали против отнесения к их числу лиц, вступивших в партию после 1917 года.

В 1935 году общество было распущено.

Прочитала, что Общество старых большевиков было распущено, и очень удивилась: я, сколько жила с родителями, все время слышала про старых большевиков... Видимо, общество распустили, а понятие осталось.

Родители мамы, Хайкины Семен Исаевич и Фаня Эммануиловна (баба Фаня и деда Сема), после женитьбы в 1917 году и до конца своих дней жили в Куйбышеве-Самаре.

Окружение их семейства составляли старые большевики, партработники, их дети. С детьми из этого круга мама и ее сестра учились и в общеобразовательной, и в музыкальной школе. И лето они все проводили на дачах старых большевиков...

О даче я не могу не рассказать.

Я приезжала на дачу к деду и бабушке каждое лето, с раннего детства и до 1964 года, до бабушкиной болезни. Приезжали всей семьей, с мамой и папой, и оставались на месяц – иногда родители приезжали по очереди, чтобы я могла провести на даче два месяца. В 1957 году родился брат Лева, стали приезжать вчетвером.

Какая это была дача! Располагалась на 3-й просеке – так назывались улицы дачного поселка, которые вели к Волге.

Но главное на даче – это был сад! Не те шесть соток, что стали потом советским стандартом. Мы шли с трамвая по просеке вдоль забора, подходили к нашей калитке, открывали ее – и начиналась тропинка вдоль яблоневого сада. Тропинка была метров тридцать, по моим ощущениям, если не больше. Слева от нее был наш сад, справа – сад семьи Брук, с которой мы делили общий дом. Никаких изгородей между нашими участками не было. И для меня их сад как будто и не существовал, помню только наш!

Потом шли плантации клубники. За клубникой у забора, отделявшего наш сад от соседей по просеке, росли сливы и вишни. Вишни – это были не кусты, а деревья, и ягоды темно-красные, почти черные, крупные, необыкновенно сладкие. Уже потом я узнала название – «Владимировка», старинный среднеспелый сорт.

Мама, выросшая на этой вишне, всю жизнь с презрением относилась к оренбургской и позже свердловской вишне – мелкой, красной и кислой.

Много было кустов малины, в малине прятался дощатый туалет, у дальнего забора – крыжовник, смородина, стручки гороха...

Забегая на много лет вперед, расскажу, что в июле 1974-го мы с мужем после студенческой свадьбы и сессии в университете провели на этой даче медовый месяц. К этому времени бабушки уже не было, 86-летний дедушка был болен, лежал в больнице (в следующем году его не стало). И сад уже восемь лет были заброшен, к нему никто за эти годы рук не прикладывал. Но вишня, малина, клубника росли сами, к нашему наслаждению. Помню самое первое наше с мужем утро на даче: я проснулась раньше него и пошла на участок – а там малина! Я обожаю малину с куста. Полакомилась сама и принесла пригоршню мужу, который еще не встал... и он сказал, что это первая в его жизни садовая малина! А из вишни я даже варенье сварила!

Но вернемся к детству. Мы прошли почти весь сад и вот поднимаемся по ступенькам дома. Он был деревянный, построенный буквой «Г»: одну сторону занимали мы, вторую – семья Брук, тоже старые большевики.

На каждой стороне была огромная терраса, идущая вдоль всего фасада, а это метров двадцать, не меньше, с большим столом и деревянным топчаном. На террасе обедала вся семья и гостевавшие родственники. Две комнаты, отопление – печка, но летом она не требовалась. Канализации в доме не было, дощатый туалет в саду я уже упоминала, вода – кажется, была колонка, рукомойник на террасе... Интересно, вот я пишу – и в памяти всплывают все эти детали.

Мыться мы с дачи ездили на трамвае к дедушке и бабушке в городскую квартиру, наверное, раз в неделю, у них там была колонка нагревательная. Но каждый день ходили купаться на Волгу.

До Волги было минут пятнадцать: сначала по просеке, потом через лес, там дубы росли... Дорога приводила на обрывистый берег. Чтобы попасть на пляж, надо было довольно долго спускаться по ступенькам, а потом после купания подниматься.

Течение в Волге было быстрое. Как-то сидела я на берегу, было мне семь лет, подбежала незнакомая девчонка, думаю, лет четырнадцати, схватила меня за руку и с идиотским сме-

хом (да-да, я именно так о нем подумала) потащила в воду. И убежала, а я стою в реке, вода по грудь. Я повернула было к берегу, хотела выйти, но меня сбило с ног течением. Плавать я еще не умела, и последнее, что я помню, – зеленая вода над головой. Очнулась я на руках у папы – видимо, он не сразу, но увидел, что случилось, и кинулся за мной.

Уж не помню, что с той шутницей случилось. Заняло все происшествие, наверное, минуты. Воды я бояться после этого не начала, но игры и шуточки в ней терпеть не могу, а еще совершенно не выношу, когда заходишь в воду, а в тебя брызгаются – убить готова! Плавать я научилась позже, на море с родителями после шестого класса. И хорошо помню, как, вернувшись из этой поездки, мы приехали на дачу, пошли на Волгу, и я лихо поплыла... а меня как понесло течением! И вода-то не морская, сама не держит! Я выплыла к берегу в итоге, но унесло меня порядочно, и нахлебалась, и испугалась. Ну и запомнила урок Волги: не лихачить!

На этом фото сзади – бабушка Фаня, тетя Ада (жена Сени Хайкина, двоюродного брата мамы и тети Нюси), Наташа Пряхина, я, моя подруга по саду Таня Батманова, ниже дедушка, на первом плане – Борис Пряхин, Сенья Хайкин с дочерью Аллой, справа – мой папа

Дружила я с детьми с соседних дач, с внуком семьи Брук – хулиганистым Гришкой. Все наши друзья, как уже говорилось, были из семей старых большевиков, знакомых друг с другом десятилетиями. Мы относились уже к третьему поколению. Приезжали родные – мамина сестра тетя Нюся с мужем Борисом Пряхиным и детьми Витей и Наташей. Они жили в Чапаевске. Приезжал мамин двоюродный брат, сын дедушкиного брата Владимира, веселый дядя Сеня, его жена тетя Ада и их дети Алла и Боря. Приезжали родители дяди Бори Пряхина, Пряхины-старшие. Всех этих людей сейчас можно увидеть только на старых дачных фотографиях, полных тепла и радости. Лето было праздником!

Обед на даче. Помню этот момент: мама разливает только что сваренный горячий кисель – дует на него

Бабушка, дедушка, Ксана и Надя Брук, наши соседи, и мама с Левой, поедающим малину

Еще всплыло в памяти... Я училась в музыкальной школе, играла на пианино и, уезжая на дачу на два месяца, не могла так надолго прерывать занятия. Поэтому бабушка договорилась с семьей соседей, у которых на даче было пианино, я ходила к ним заниматься.

Мама рассказывала, что они с Нюсей в детстве ненавидели дачу: не хотели уезжать из города, от друзей, да и бабушка заставляла их работать в саду, видимо... Еще мама расска-

зывала, что до войны их семья занимала не половину дома, а весь целиком! А еще раньше, в 1930-е годы, заборов между дачами не было и сад был весь – общий!

Вот что добавила моя двоюродная сестра Наташа, которая старше меня на девять лет, речь идет о самом начале 1950-х годов: «Когда я была младшей школьницей, во всем огромном дачном массиве не было ни одного забора, разделяющего участки, и мы могли носиться по всему массиву. Для жилья тогда использовались два двухквартирных дома, как у нас, и два многоквартирных двухэтажных, где жили по четыре семьи. Тогда у старых большевиков было понятие общности, своими были только цветочные клумбы возле террасы. Когда в общем саду созревали яблоки или ягоды, все вместе собирали урожай и делили его на всех. Вот такой тогда был коммунизм, но ты уже этого не застала!»

Кстати, дачи не были собственностью семей: дачу выделяли старому большевику в пожизненное пользование, и после его смерти она переходила к супругу/супруге, а после смерти последнего – к другому старому большевику. Так что после смерти бабушки дача перешла к его второй жене, на которой он женился в 78 лет, и перестала быть доступной для семьи. Но дача – это большой кусок жизни даже у меня, не говоря уже о маме, тете Нюсе и двоюродных Викторе (увы, уже покойном) и Наташи.

Как выяснилось много позже, родня у Хайкиных и со стороны деда Семы, и со стороны бабы Фани была огромная, по всей стране. Но я с детства знала, что бабушка и дедушка, как говорила мама, «порвали со своими семьями и ушли в революцию». Уже в 2000-х годах я запросила в архиве ГА РФ в Москве их личные дела и получила два объемных пакета с полной историей, автобиографиями, послужными списками. И теперь я хорошо знаю подробности, которых не знала (и уже не узнала) мама.

История дедушки – Хайкина Семена Исаевича

Дед, 1887 года рождения, был из Гомеля, из семьи ремесленников. И звался не Семен Исаевич, а Симон Шахнович, у него были два брата, Иосиф и Владимир, и сестра Шифра, двойняшка Владимира. Владимир стал военным. Шифра умерла в 1918 году, заразившись «испанкой» от больной матери.

Это то, что я знала от мамы и ее двоюродной сестры Сони Хайкиной, дочери Владимира. Соня жила в Ленинграде, но с мамой они были очень дружны.

Об Иосифе в семье были смутные воспоминания: вроде бы он жил на юге; были сведения, что у него была жена Ева. В альбоме бабушки и дедушки была фотография двух девочек, Лизы и Сарры Хайкиных, 1927 года, присланная в подарок дяде Семену и тете Фане от их племянниц.

Начав с этой фотографии, года два назад я разыскала потомков Иосифа. Иосиф умер в возрасте 31 года в том самом 1927 году, в котором была сделана фотография его дочерей. Как оказалось, одна из них, Сарра Хайкина, умерла в 2013 году, была она журналисткой и оставила очень интересные воспоминания о своей жизни и семье. Я теперь дружу со своими вновь найденными родными, живущими в Израиле, главным образом с троюродной сестрой Евой. И вот она, генетика: у Евы – дочери-двойняшки, у меня – двойняшки, сын и дочь, у нашего троюродного брата Бориса Хайкина – тоже дочери-двойняшки, как и у наших общих прадедушки Шахно и прабабушки Хавы.

Благодаря заметкам Сарры и рассказам Евы я знаю всю историю семьи Хайкиных – Лейбиных – Великович. Судьба этой семьи – роман круче «Санта-Барбары». Оказалось вдобавок, что у деда был еще брат Мендель, о котором вообще не обнаружено сведений. Пока.

Увы, когда все это стало известно, уже не было в живых ни моей мамы, ни ее старшей сестры Нюси, ни дочери Владимира Сони Хайкиной. Но живут их потомки, и они теперь знают больше о своих корнях.

Но вернемся к истории деда Семена. Это была жизнь революционера. В автобиографии он о своей семье почти ничего не писал. Коротко упомянул, что после погрома в Гомеле в 1902 году они лишились жилья и был вынужден уехать в возрасте 15 лет в Харьков и начать самостоятельную жизнь. И ни слова о своей женитьбе на бабушке.

Зато очень подробно рассказал о своей революционной и партийной деятельности. Пошел учиться на печатника и работал в типографии. Видимо, там и произошла встреча с революционерами. В 1905 году он был в Харькове на баррикадах, участвовал в организации забастовки. В 1906 году вступил в партию, примкнув к большевикам. Работая в типографии, он печатал и распространял листовки. Попал под наблюдение полиции, был арестован и несколько месяцев провел в тюрьме. Потом жил и работал в Баку, вернулся в Гомель. В 1917 году был направлен партией в Самару, где и участвовал в революционных событиях. Во время захвата Самары белочехами в 1918 году находился в подполье.

С бабушкой они встретились в Харькове, вместе переезжали. Поженились в Гомеле в 1917 году.

Мама рассказывала, что муж Нюси, Борис Пряхин, большой шутник, называл своего тестя «печатник Семен». Мама считала, что так Борис обыгрывал его работу в типографии. А потом в 1966 году в номере от 9 декабря газеты «Волжская коммуна», в рубрике «К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции», появилась большая, на половину полосы, статья «Печатник Семен» с рассказом о жизни моего деда. Оказывается, Печатник Семен – это его партийная кличка.

После революции дед был партийным и хозяйственным функционером, руководил различными предприятиями, работал с Куйбышевым, избирался в партийные органы, участвовал во множестве конференций, на одной из них видел Ленина. Имел много наград, в том числе орден Трудового Красного Знамени. Работал в Куйбышевском обкоме партии, в 1946 году вышел на пенсию. И был счастливым – его не коснулись репрессии, ни довоенные, ни послевоенные. Мама рассказывала, как они боялись, как вздрагивали каждую ночь в 1937—1938 годах, как вокруг арестовывали друзей и близких. В бабушкином-дедушкином архиве фотографий я обнаружила групповые снимки, явно дачные, на которых отдельные лица были вырезаны... Понятно, что это репрессированные знакомые, фото которых хранить было опасно. Грустные символы эпохи...

Над дедушкой тоже сгущались тучи. Однажды он с кем-то из знакомых поделился своим недоумением по поводу ареста одной известной революционерки: как же так, она же с Лениным работала?! Тут же знакомый на него донес, его вызвали и объявили, что на завтра назначено заседание «тройки»² по его «делу». Дед, конечно, пришел домой ни жив ни мертв, семья всю

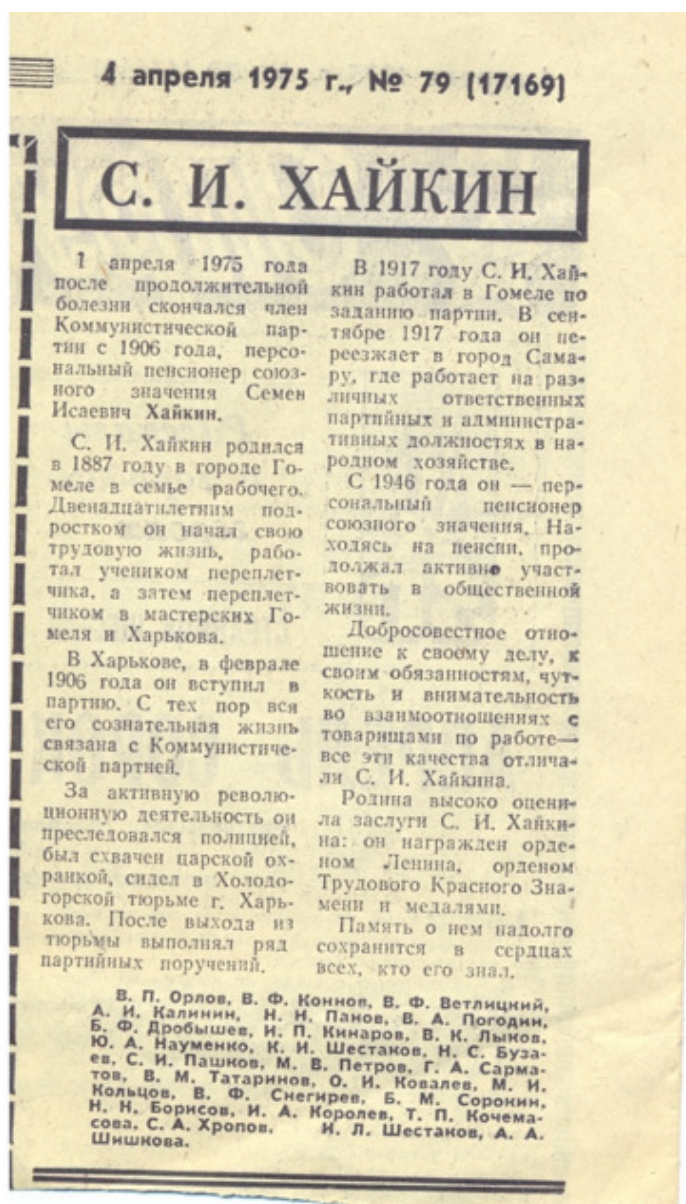
² Тройки НКВД – органы внесудебной репрессии в составе начальника областного управления НКВД, секретаря обкома

ночь не спала... А утром стало известно, что всю «тройку» ночью арестовали. Мимо снаряд просвистел...

После выхода на пенсию дед получил статус персонального пенсионера союзного значения, продолжал участвовать в партийной и общественной жизни, был уважаемым человеком. Похоронив бабушку, через год, в 78 лет, снова женился. И умер в 87 лет, сохранив до последних дней память и интеллект, просто от старости. За год до этого, когда я была у него в больнице, он сказал мне: «Я устал жить...»

Дед всегда был главным в семье, бабушка крутилась вокруг него, обеспечивала ему диетическое питание. Он считался больным и очень следил за здоровьем. Я помню, как он делал зарядку в постели утром, пил молоко, добавляя в него чуть-чуть йода – для здоровья. И пережил считавшуюся здоровой бабушку на 12 лет.

Умер дед в 1975 году, в газете «Волжская коммуна» был помещен некролог.

Мама не раз говорила, что дед был трусоват. А я думаю, что не трусоват, а разумен и предусмотрителен: прожить всю жизнь в партийной среде и не попасть под репрессии и проблемы в те годы не каждому удалось. При этом он был честным человеком, никогда не пользовался служебным положением в личных целях, хотя, надо сказать, как работник обкома партии и впоследствии персональный пенсионер имел кучу привилегий на вполне законных основаниях. Был скуповат... Помогал своим взрослым дочерям, но очень сдержанно. Ну, в общем, интересная жизнь и заметная роль в истории своего города и страны. Я не была с дедом особенно близка, не слишком много с ним общалась, но относилась к нему с уважением. Гордилась его биографией.

История бабушки – Хайкиной Фани Эммануиловны

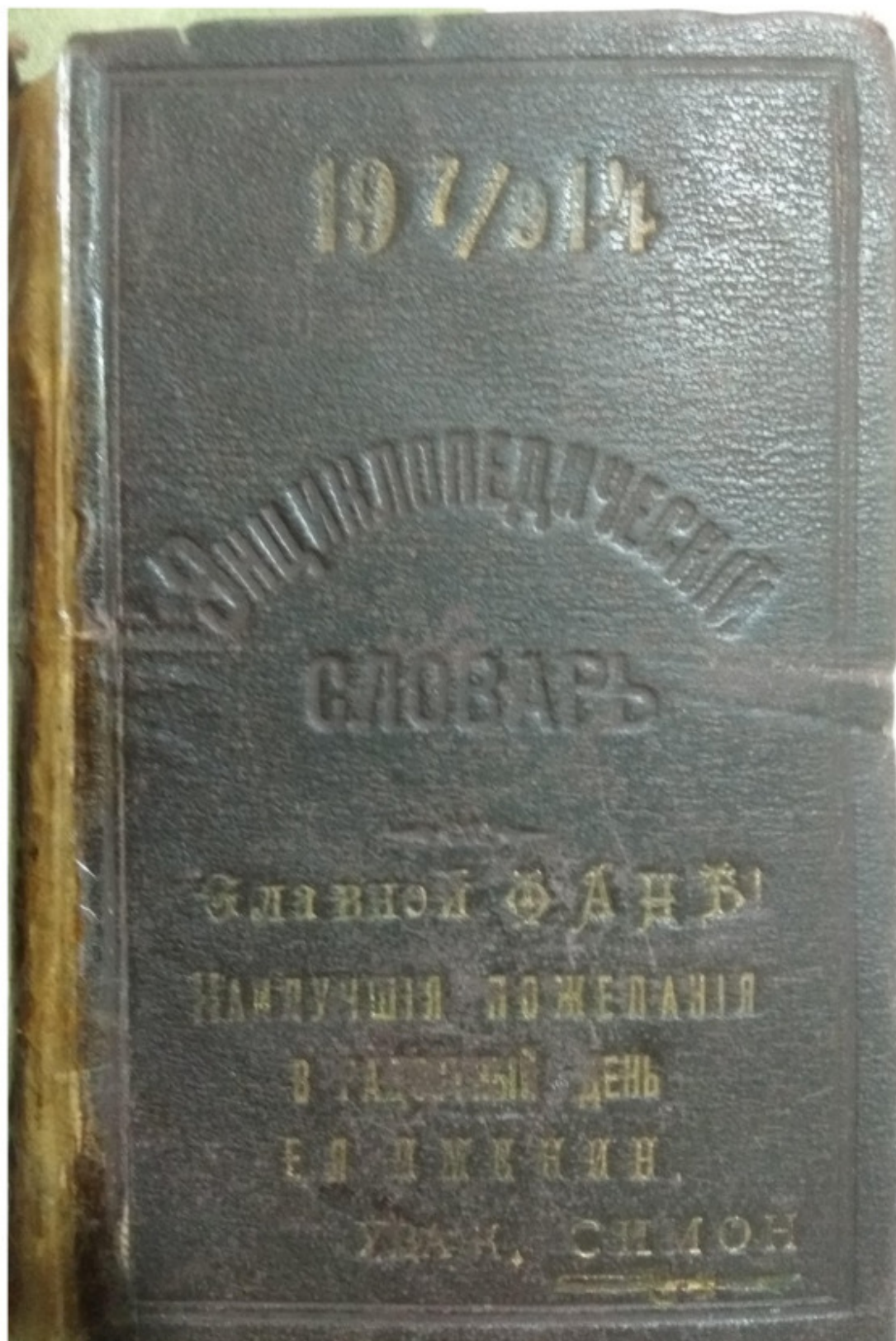
Бабушка Фаня родом из Чечерска (Гомельская область), 1890 года рождения, девичья фамилия ее – Соркина. Семья у них тоже была большая, но бабушка после отъезда из Чечерска с ней почти не общалась. С внуками одной из сестер бабушки, Малки, я познакомилась уже в Израиле, они оказались замечательными и очень интересными людьми. Моя троюродная сестра Майя Лазаревна Богуславская, внучка Малки, дочь Ривки Гамбург, к сожалению, умерла несколько лет назад, умер и ее брат Феликс Гамбург, но с их детьми и внуками и я, и мои дети продолжаем дружить. Мы успели с Майей и ее мужем Михаилом записать их воспоминания и внести всю семью в генеалогическое древо, отсканировать и подписать семейные фотографии.

Продолжу рассказ о бабушке, в том числе беря информацию из ее собственноручно написанной автобиографии. Она интереснее, чем автобиография деда, более личностная, изложена более живым языком.

Бабушка окончила в родном городе три класса школы, после чего пошла ученицей в портняжную мастерскую. Переехав в Гомель, потом в Харьков, бабушка работала портнихой – работала тяжело, по 12 часов в день, в плохих условиях и за копейки. И там, попав в среду революционеров, начала подпольную и профсоюзную деятельность, организовала забастовку в мастерской и была уволена как организатор. Потом переезжала вместе с дедом, в Баку вступила в легальный профсоюз портных под названием «Игла» и была избрана членом его правления.

Видимо, вместе с дедом участвовала в распространении листовок. В апреле 1917 года вступила в партию, во фракцию большевиков, Бакинское отделение. Участвовала в партийной конференции. А в конце года уехала в Гомель, и там они с дедом в том же 1917-м поженились. У бабушки в автобиографии написано, что она «вышла замуж за коммуниста».

У нас в семье хранится реликвия – энциклопедический словарь Павленкова 1913 года, на обложке которого выгравирована надпись: «7/9 1914. Славной Фане в радостный день ее именин. Уваж. Симон». От настоящего печатника подарок! И родители пользовались, и я до сих пор пользуюсь этим словарем. Подарок на века!

Во время нападения белочехов на Самару бабушка вместе с дедом принимала участие в обороне города, дежурила в типографии, где дед печатал газету большевиков.

После революции, в 1918 году, родилась мамина старшая сестра Нюся, а в 1923 году – моя мама, и бабушка не работала до 1930 года.

С 1930 по 1934 год бабушка Фаня была библиотекарем в бибколлекторе, и в семье у них книжные новинки появлялись раньше других, мама все это читала запоем. Мама привила мне любовь к Макаренку, Чернышевскому... Вот с Горьким, правда, не получилось.

После бибколлектора бабушка заведовала партийным методкабинетом, потом работала в районном комитете партии инструктором, а в последние трудовые годы (1939—1948) заведовала Куйбышевским областным лекционным бюро. Мама очень часто говорила, что не понимает, как бабушка все успевала! На ней были дом, дача, сад, дети, муж, работа...

На пенсии бабушка прожила до 1964 года, хлопотала на даче, принимала гостей... Безусловно, ей приходилось тяжело. Папа, рассказывая маме, как проводил с нами лето в Куйбышеве, жаловался: он был заядлый рыбак, ходил на Волгу рыбачить, приносил рыбу... и видел, что для бабушки это дополнительная нагрузка, что она не очень-то рада его рыбацким успехам. Но я не помню от бабушки ни одной жалобы, не помню также, чтобы меня в 10—11 лет к чему-то принуждали. Собирала клубнику вместе с бабушкой, но это же сплошное удовольствие!

А в 1964 году бабушка упала, сломала ногу, и с ней случился первый инсульт. Вот тогда и кончились мои летние поездки на дачу... Потом второй инсульт – и бабушки не стало в 1965-м, в возрасте 74 лет. А дед, как я рассказала выше, через год после ее смерти женился и пережил ее на 12 лет.

20 февраля 1965 г., № 42 (14080)

дверии сезона

инженерно-строительного института. Спортивная команда Куйбышевского областного совета общества «Динамо».

В соревнованиях выступили спортсмены с эмблемой динамовцев. Успешно содействовала удаче куйбышевский спринтер показывает лучшее время на 50-метровой дистанции. На этой же дистанции Евгения Карбаева с результатом занимает второе место среди женщин Саратовской области. Второе место среди женщин занимает на дистанции 1.000 метров в своем забеге третьим местом 2 минуты 40,2 секунды лишь известным бегуном спорта А. Конову (Воронеж), а следом за этой дистанцией выиграл этих строк с результатом 37,4 секунды. Это время вторым временем для 36,4 секунды, принадлежало спорту из Кургана.

Успехи наших спортсменов день, по итогам соревнований КИСИ занимала 1-е место повлияло на характер команды в последующих соревнованиях. У куйбышевцев уверенность в своих силах перед именитыми.

В своем выступлении. Выиграв во вторых соревнованиях бег на 300 метров 38,3 секунды, он заслуживает отметить, что месяц недавно зимней тренировки совета «Бу-

посетители столовой
кого треста столовых
удивлены: в вести-
л приемный пункт
Здесь можно было ку-
заказать различные
елия. Кировчан вни-
пуживали закройщи-
ригорьевна Герасимо-
ца Валентина Макси-
иенна.

Фото Л. Каплана.

ревестника» в Ленинграде Шишкин занял четвертое место в спринтерском многоборье. Это большой успех молодого спортсмена.

В упорной борьбе с сильнейшими коллективами РСФСР команда Куйбышевского инженерно-строительного института, возглавляемая ее бессменным тренером С. И. Штейнмардером, заняла почетное 3-е место, пропустив вперед команды Краснодарского и Челябинского пединститутов, в составе которых имеются факультеты физвоспитания. За чертой призеров оказались такие сильные коллективы, как Омский и Смоленский институты физической культуры.

Значительно скромнее выглядят достижения сборной команды Куйбышевского областного совета. Выступая по первой группе, она заняла 9-е место. Из членов команды наиболее успешно выступила первокурсница политехнического института Светлана Корженкова, которая вышла победительницей среди юниорок в барьерном беге на 50 метров и многоборье.

В. СТЕПИН.

Легкоатлет-перворазрядник.

Ф. Э. ХАЙКИНА

Скончалась Фаня Эмануиловна Хайкина, персональный пенсионер, член КПСС с апреля 1917 года. Родилась она в 1891 году, рано начала работать портнихой в частных портняжных мастерских.

В 1935 году Ф. Э. Хайкина стала работать заместителем заведующего по индивидуальному обучению в Доме партпросвещения города Куйбышева. С 1937 по 1939 год она работала заведующей парткабинетом Пролетарского райкома КПСС, инструктором Ленинского райкома КПСС. С 1939 по 1947 год находилась на советской работе — была зав. лекционным бюро облоно, директором лекционного бюро облкультпросвета.

С 1947 года Ф. Э. Хайкина — персональный пенсионер.

Своей беспредельной преданностью Родине, Коммунистической партии, честным отношением к труду она завоевала глубокое уважение товарищей.

Жизнь семьи Хайкиных

Но в 1930-е годы все еще были молоды, полны сил, жили насыщенно.

Материальное положение семьи Хайкиных со временем значительно улучшилось. Трехкомнатная квартира со всеми удобствами, замечательная дача на берегу Волги. В доме маминых родителей был деревянный туесок, всегда полный икрой. И даже, кажется, не один, а несколько, потому что икра бывала разная – черная (зернистая и паюсная), красная... Прекрасный сад, варенье, заготовки. Словом, у мамы было счастливое, сытое, безоблачное детство.

Мама окончила музыкальную школу по классу фортепиано. Даже подумывала о музыке как о своем будущем и поступила в музыкальное училище, но через три месяца поняла, что это не ее путь. Я, видимо, унаследовала от нее музыкальные способности, но не талант. А вот в школе мама училась блестяще и окончила ее с «золотым» аттестатом в июне 1941 года... Мама рассказывала, как они после выпускного вечера собирались поехать в традиционную «жигулевскую кругосветку». Из «Википедии»:

Жигулевская кругосветка – водный туристический маршрут по рекам Волга и Уса, вокруг Самарской Луки...

Название получила из-за географического курьеза, вызванного петлеобразным изгибом русла Волги, когда между реками Волга и Уса оказывается 140 километров по течению и несколько километров по прямой, что позволяет, преодолев небольшой перевал на суше, закончить поездку в месте ее начала. <...> ...Существует с XIX века.

Но вместо веселого путешествия маме с подругами довелось провожать на фронт своих одноклассников... У меня есть два маминых фото: на одном – день проводов мальчиков в армию, а на втором – встреча одноклассников после войны. Вернулись немногие...

В войну, конечно, маминой семье пришлось нелегко в бытовом и материальном плане. В Куйбышев эвакуировали из Москвы правительство, многие учреждения, театры... Всем пришлось потесниться. Дачу забрали под госпиталь, из трехкомнатной квартиры семья переехала в полкомнаты. Вторую половину комнаты занимала семья дедушкиного заместителя. Во время войны мама училась в Куйбышевском индустриальном институте, на электротехническом факультете, на отделении «Электромеханическая специальность». Студентов посылали в деревню на заготовку урожая. И голод был – мама вспоминает: если находили дома старую банку с засохшими остатками варенья, какое это было лакомство!

Мамина старшая сестра Нюся в 1943 году вышла замуж за Бориса Пряхина, с которым вместе училась на химическом факультете Куйбышевского индустриального института. У них родилась дочь Наташа, и они втроем жили в той же половине комнаты.

Но после войны все вернулось на свои места: и дачу бабушке с дедушкой вернули, и квартиру. Нюся с Борисом и Наташей уехали в Чапаевск, на химический завод.

Мама уже в 80 лет после долгих уговоров написала воспоминания о военных годах. Получилась очень интересная история под названием «Что я помню». Очень жалею, что не уговорила маму написать историю всей ее жизни.

В войну была распространена шутка: на какие категории по уровню достатка делятся люди. Были «торг-синьоры, блат-майоры, кое-какеры и какеры». Уже в конце 1940-х годов дед писал маме в Чкалов, куда она уехала после института по распределению: «Мы перешли из категории какеров в кое-какеры». После выхода на пенсию в 1946 году дедушки и в 1948-м бабушки оба стали персональными пенсионерами союзного значения.

Наша семья родилась

История мамы

Мама в декабре 1946 года после окончания института приехала по распределению в Чкалов, в Чкаловэнерго, и стала работать инженером электролаборатории Чкаловской электростанции в поселке Красный Маяк. Этот поселок и сейчас существует, я там бывала много раз. Очень быстро мама стала начальником электролаборатории.

Вот несколько слов о моей маме и папе в воспоминаниях энергетиков, в уже упомянутой книге «Оренбургэнерго: Годы. События. Люди»:

Начальником электролаборатории была Софья Семеновна Хайкина, дочь профессиональных самарских большевиков, оставшаяся в течение своей жизни беспартийной. Она была исключительно грамотным и способным инженером-релейщиком. После ТЭЦ она работала ведущим инженером ЦСРЗАИ РЭУ «Оренбургэнерго». Вышла замуж за Бориса Самуиловича Нахмансона (рыжего Борьку), участника Великой Отечественной войны, очень упорного и целеустремленного человека, который после демобилизации прошел путь от дежурного подстанции «Западная» Оренбургских электросетей до заместителя главного инженера РЭУ «Оренбургэнерго». Сейчас они на пенсии, живут в Екатеринбурге, вблизи озера Шарташ. Дети их, сын и дочь, оба инженеры-электрики.

В той же книге есть выпускная фотография курсов мастеров, на которой мама присутствует в числе преподавателей. Не узнать маму нельзя – она там единственная женщина.

Мама была высокая, худая, стеснялась этого (в моде тогда были невысокие и пухленькие) и считала себя далеко не красавицей. Уже потом, повзрослев, я оценила, как маме по-женски повезло в жизни. После войны ровесников ее, мужчин 1923 года рождения, осталось в живых 3% по статистике. А мама в 28 лет вышла замуж за ровесника, холостого, красивого, бравого гвардии сержанта, и прожила с ним 59 лет.

Мама всегда умела одеваться, была ухоженной, подтянутой, стройной, вела себя с достоинством. Это вспоминают все родные, знавшие ее еще до моего рождения. И была большой умницей, очень начитанной, любила и хорошо знала литературу и музыку. Обожала Лермонтова, «Маскарад» знала буквально наизусть, дословно. Очень любила театр и кино: так, как с мамой, я ни с кем не могла поговорить об артистах, повспоминать, кто в каком фильме играет... С ней было интересно всегда. Она не допускала ни малейшего неуважения к себе, могла любого поставить на место! В том числе родных, включая меня. При этом у меня с мамой были очень теплые и доверительные отношения.

О папе

Папа мой, Нахмансон Борис Самуилович, тоже 1923 года рождения, был родом из Чкалова-Оренбурга. Его родители, мои бабушка и дедушка, Нахмансон Самуил Яковлевич и Нахмансон Мария Савельевна, жили в Чкалове. Об их семьях и судьбах нужно рассказывать отдельно и много.

Папу все называли «рыжим Борькой», он действительно был рыжим и конопатым, среднего роста, стройным и очень спортивным – играл в футбольной команде предприятия. Как-то мама, когда им обоим было уже за восемьдесят, сетуя по поводу того, что папа нездоров, сказала: «Он же всегда так твердо стоял на ногах, был такой крепкий, ловкий, сильный, он выключатель на стене ногой включал!» И меня эта деталь просто поразила...

Мама рассказывала, как незадолго до моего появления на свет папина команда должна была ехать на выездной матч в Подмоскowie, по-моему, в Шатуру. И мама боялась папу отпустить, не хотела рожать без него. К ней домой приходили девушки, болельщицы и поклонницы команды, просить отпустить папу... Ему и самому хотелось поехать, он уверял, что успеет вернуться до родов, но мама настояла на своем. И таки оказалась права: команда еще не вернулась с матча, как я родилась.

Женей меня называли, насколько я понимаю, потому что маме просто понравилось это имя. Ни о каких предках из папиного или маминого рода никто не заикнулся... Имя было озвучено, однако, когда я родилась, мама вдруг засомневалась, но Миля Шейнина, папина двоюродная сестра, сказала, что они за Женечку уже выпили, – и стала я Евгенией.

Кстати, об отношении мамы к своей внешности. Она не раз вспоминала, как добрые знакомые (уж не знаю, о ком шла речь), когда видели меня маленькую с родителями, говорили: «Вы знаете, Женечка ни на кого из вас не похожа. И знаете, очень хорошо, что она ни на кого из вас не похожа». Такие милые люди! А я смотрю на фото папы и мамы – они очень красивые оба!

Пока я росла в семье, почему-то на удивление мало чем интересовалась из прошлого родителей, бабушек и дедушек. А когда у меня появились вопросы – на них уже не у кого было получить ответы...

Мама с папой встретились

И одним из вопросов было: как познакомились папа и мама? Они оба трудились в Чкаловэнерго, но папа жил и работал в центре города, а мама – на далекой окраине, в разных подразделениях, – где пересеклись? Маму к концу жизни, увы, начала подводить память, и она не помнила, а папы уже не было, и я была уверена, что никогда этого не узнаю. Но после того, как мамы не стало, я позвонила по телефону из ее записной книжки в Москву ее старинной приятельнице, Воле Михайловне Долбенко, чтобы сообщить ей грустную весть. И таким образом вновь начала общаться с ее дочерью Олей Долбенко, ныне Невской.

В моем детстве, когда мы жили в одном городе, наши родители между собой очень дружили, а мы с Олей как-то не особенно: она старше на два года, а в таком возрасте это целая пропасть. Но, встретившись через много лет, хотя и виртуально, мы с радостью обнаружили, что очень близки друг другу. Оказалось, что наши взгляды совпадают, что мы обе интересуемся прошлым, да и общие родные города у нас Оренбург и Орск.

У Оли прекрасная память, и она рассказала мне, что мама и Воля учились в одном институте и на одном факультете в Куйбышеве, только Воля на несколько курсов младше, и где-то они пересеклись. Воля была активистка, зампреда профкома института. После окончания института в 1950 году она приехала на родину своего мужа в Чкалов, тоже начала работать в Чкаловэнерго. Они встретились с мамой, работавшей там уже четыре года, и очень обрадовались друг другу. Именно Воля, бывшая в одном подразделении с папой, познакомила его со своей бывшей соученицей. Оля написала мне: «Представляешь, в 1952 году они с папой по распределению уехали в Орск. И она, молодец, за короткое время работы в Чкаловэнерго успела познакомить твоих родителей».

Вот такая цепь случайностей привела к созданию нашей семьи. А если посмотреть глубже – то обнаружится еще одна цепь случайностей, приведшая папу в энергетику. В 1941 году, перед самой войной, он, как и мама, окончил школу. Кстати, мои родители оба были очень способными, прекрасно учились и получили аттестаты с золотой каемкой. Эти аттестаты были даже круче нынешней золотой медали: они давали право поступления в любой вуз без экзаменов. Папа был секретарем комсомольской организации школы и успевал учиться в аэроклубе. К началу войны он был почти готовым летчиком. Прямая дорога была ему в летчики.

Вспоминаю фильм «В бой идут одни старики», сцену, когда механик эскадрильи говорит молодому летчику: «Ты у меня пятый...» И каждый раз думаю о папе. Шансы выжить на войне у летчика или стрелка были невелики...

Но папу, как высокообразованного по тем временам юношу, отправили на курсы авиамехаников по электрооборудованию. Профессия более сложная, квалифицированная и гораздо более безопасная. Так папа и прошел всю войну авиамехаником по электрооборудованию в полку дальней бомбардировочной авиации. В 1948 году, побывав с полком еще и в Корее, демобилизовался и вернулся гвардии старшиной с наградами. Устроился в родном городе по полученной на войне специальности электрика в Чкаловэнерго – сначала монтером, потом вырос до диспетчера. Вот так и пересеклись жизненные пути моих родителей. И вся их судьба оказалась связана с энергетикой.

Тут самое время вернуться к моему самому первому воспоминанию – о комнате в коммунальной квартире. Ее, кстати, в доме на Кирова, в самом центре города, дали именно маме как начальнику лаборатории. Впоследствии папа по образованию маму догнал, по карьере обошел, но в начале семейной жизни расклад был такой.

В коммуналке на Кирова мы прожили три года. А следующее мое воспоминание – я завернута в одеяло, на руках у мамы или папы, и мы в машине едем куда-то. А ехали в новый

дом, построенный Чкаловэнерго для своих сотрудников, в двухкомнатную квартиру, которую дали, по-моему, уже папе, на улицу Аксакова, д. 3. Мама к тому времени уже перешла на работу в управление, расположенное в городе. Сейчас это практически городской центр, одно из производственных зданий Оренбургэнерго. А в 1955 году тут была отдаленная окраина. Два двухэтажных дома, по одному подъезду, в каждом шесть квартир. Как рассказывала мама, дома были построены на месте татарского кладбища. Некоторые сотрудники управления отказывались получать здесь новые квартиры, потому что на этом кладбище у них были похоронены родные. А мы, дети, ходили на место захоронения, в нескольких десятках метров от наших домов, и иногда находили в земле кости и черепа. Никаких следов надгробий, могил уже не было, а кости иногда попадались.

Два дома были объединены общим двором с деревянной горкой, зимой ее заливали водой, и получалась прекрасная каталка. Отлично помню, как мы с девочками и мальчишками съезжали с нее на фанерках. Около подъездов были лавочки, и у меня есть фотография, где я лет пяти сижу на этой лавочке со «Сказкой о глупом мышонке» Маршака. В том возрасте я уже умела читать сама, и чтение на всю жизнь осталось любимым занятием.

Папина мама, бабушка Маша, человек с тяжелым характером и в целом с негативным настроением, имевшая с моей мамой не лучшие отношения, по многим вопросам сильно расходилась с ней во мнениях. Например, бабушка считала, что главное – это район, и с дедушкой они жили в переулке Почтовом, в комнате с печкой, топившейся углем, без удобств, зато в центре города. До Аксакова мы тоже жили хоть и в коммуналке, но в центре, а после переезда оказались, по мнению бабушки, где-то на краю географии. Но мама считала, что главное – квартира. В нашей новенькой двухкомнатной у меня была отдельная комната. Родители могли заниматься своими делами, принимать гостей и не мешать ребенку спать. Мама не раз рассказывала, как, бывало, раздавался стук в дверь, она спрашивала: «Кто там?» – и слышала голос бабушки: «Ну кто, кроме нас, придет к вам в такую глушь?» Скандалов между мамой и родителями папы не было, разумеется, но теплоты в отношениях тоже. Может быть, поэтому и у меня не велось душевных разговоров с бабушкой и дедушкой, не тянуло расспрашивать о прошлом?

Мама с папой работали, и у меня сначала была няня. Я ее почти не помню, но родителям она обходилась недешево. По рассказам мамы, они покупали на базаре сливочное масло за какие-то большие деньги – только для няни, сами не ели.

Я крайняя справа в нижнем ряду

Позже вижу себя уже в детском саду. Там была воспитательница Алла Борисовна, с косой, красиво уложенной короной, девочек не помню, только мальчишек. Наверное, я с ними дружила... Во всяком случае, маме я заявила, что «женюсь на Вову Мержиевского» – вот, даже фамилия запомнилась. Были еще два мальчика-близнеца, но рейтинг их был определенно ниже рейтинга Вовы! Бывало, увы, заставляли доедать невкусную еду: все дети легли спать после обеда, а я сижу за столом и безнадежно что-то дожевываю... Хотя с едой в своей жизни я мало конфликтовала, прямо скажем.

В садик меня водила соседка заодно со своими детьми: родители шли на работу позже, не уверена, что всегда, но, видимо, часто. И однажды мне очень не хотелось идти с ней, и уж не помню, какой хитростью, но я уговорила ее оставить меня во дворе. Наверное, сказала, что меня папа отведет. И вот через какое-то время вышел папа – он ездил на работу на велосипеде –

и увидел меня... И похоже, не слишком обрадовался, видимо, опаздывал, но посадил меня на руль и повез в садик. Зато уж как я была довольна: цель достигнута, в садик меня отвез папа!

В 1957 году у меня появился брат Лева – мама ездила его рожать в Куйбышев, к своим родителям. И не могу сказать, что я ощутила какие-то особенные изменения в своей жизни... Но нас в семье стало четверо.

Я росла, мир мой расширялся, в нем, кроме мамы, папы и брата, были папины родители, баба Маша и деда Муля, и многочисленные родственники.

О родственниках в Оренбурге

В Оренбурге (Чкалов переименовали только в 1957 году, но я уж буду называть его Оренбургом) мама окунулась в атмосферу большой семьи. Папина мама, бабушка Маша, была из семьи Шер: их было семь братьев и сестер, в войну погиб старший Матвей. Три из пяти сестер Шер жили с семьями в Оренбурге: это Нахмансоны, Казаки и Роговые.

Семья Нахмансон. Старшая сестра Шер – моя бабушка Маша – вышла замуж за Самуила Яковлевича Нахмансона. У них было три сына. Старший Шеля и младший Лева ушли на войну, не успев создать семьи, и не вернулись с нее. Средний сын Борис – это мой папа. Таким образом, семейство это составляли баба Маша, деда Муля, мама, папа и мы с братом Левой.

Семья Казаков-Шейниных. Это вторая сестра Шер – Рахиль и ее муж Яков Моисеевич Казак; их дочь Миля, вышедшая замуж за Наума Шейнина, и их двое детей – Галя и Саша. Миля приходилась моему папе двоюродной сестрой по бабушке.

Семья Роговых. Третья сестра Шер – Софья Шер вышла замуж за Григория Евсеевича Рогового. Их единственный сын Юлий был военным, жил в Баку, и двое его детей, Боря и Дима, только иногда приезжали в Оренбург к бабушке.

Получается, что кровное родство через бабушку Машу мы имели со всеми представителями рода Шер, а родство через брак связывало нас с родом Казаков, в котором было огромное количество детей, создавших очень разветвленную семейную сеть по всей стране. Один из братьев Казаков, Яков, был мужем бабушкиной сестры Рахили. А другой брат, Давид Казак, был женат на Софье, в девичестве Дрепкиной. И мы с детства знали, что мой дедушка Самуил Яковлевич Нахмансон – двоюродный брат Софьи Казак. Вот просто факт, без деталей и подробностей. И даже саму фамилию Дрекин я узнала только через много лет. У Давида и Софьи Казаков было двое детей – Дина и Соломон, которые приходились моему папе троюродными братом и сестрой, но уже через дедушку. Благодаря им к нашей родне добавились еще две семьи – Лосины и Казаки, близкие не столько по родству, сколько по духу.

Семья Лосиных. Дина вышла замуж за Ефима (Фиму) Лосина, у них родились Нина и Боря.

Семья Казак. Соломон женился на Клаве, и у них было двое детей – Соня и Саша.

Сзади Дина Лосина с мужем Фимой, впереди моя мама Софья Нахмансон и Миля Шейнина

В каждой большой семье среди большого количества родных бывают люди, к которым тянутся все, которые являются ее центром, их все знают, они всех знают и фактически оказываются хранителями родственных связей.

В старшем поколении Шеров таким центром была Соня Роговая, красавица, прекрасный парикмахер, клиентуру которой составляли жены всей оренбургской верхушки, в том числе партийной. После войны в Оренбурге функционировал самодеятельный, но очень хороший и известный еврейский театр, в котором тетя Соня была ведущей актрисой. Но главное – она была замечательным человеком и благодетелем для всех своих родных. Все братья и сестры Шер, их дети и внуки обращались к ней за помощью и советом в любых трудных жизненных ситуациях. И кстати, муж ее, дядя Гриша, был шутник, весельчак и тоже любимец всех родных.

Во втором поколении, детей семьи Шер, семейным центром стала тетя Миля Шейнина, великолепный врач-эндокринолог, душевная, умная, остроумная, добрая, щедрая... Не было среди родных человека, который бы не обращался к ней с проблемами здоровья. В нашей семье Нахмансон она по очереди спасала всех: решала серьезные проблемы с сердцем у мамы, вовремя заметила и исправила возрастные проблемы у моего брата Левы, организовала мне операцию по удалению гланд у лучшего врача Оренбурга... А каким умницей и острословом был ее муж Наум Шейнин, Нотик, преподаватель сельскохозяйственного института, кандидат наук и завкафедрой начертательной геометрии!

Другим центром семьи была Дина Лосина, дочь Давида Казака. Она была врачом санэпидстанции; муж, Фима Лосин, на семь лет ее младше, работал шофером, таксистом. Это была чудесная, любящая пара! Миля и Дина, двоюродные сестры, дочери родных братьев Казаков, очень дружили между собой и были любимцами всех родных.

Соломон Казак, дядя Моня, единственный из всей нашей еврейской семьи был женат на русской женщине: тетя Клава была добрейшая душа, воплощение спокойствия и терпения. А терпения ей требовалось много: дядя Моня был большим умницей, но характер имел непростой, был непредсказуемым, чудаковатым, взрывным и капризным. И только тетя Клава могла

спокойно выносить его фокусы и гасить возникающие конфликты. Соломон и Клава Казаки были энергетиками, как и мои родители.

Таким образом, эти четыре семейства – Нахмансонов, Шейниных, Лосиных и Казаков – составляли наш ближайший родственный круг. Особенно нас сближало то, что в каждой из четырех семей были старшие дочери: Женя (я), Галя, Нина и Соня, все почти ровесницы, – и младшие братья: Лева, Саша, Боря и Саша, – и тоже ровесники! Мы и росли вместе: у нас тоже встречались, но чаще ездили в гости к Лосиным, у которых был свой дом с отличным двором. Праздники отмечали у Шейниных, которые собирали огромные компании родных и друзей – и детей, и взрослых.

Три пары братьев и сестер: Женя и Лева Нахмансоны, Галя и Саша Шейнины, Нина и Боря Лосины

И вот так наше поколение, четыре старшие сестры и четыре младших брата, связанные сложным родством, дружило с детства, дружит и любит друг друга до сих пор. наших родителей сегодня никого нет в живых – последней совсем недавно умерла в 92 года тетя Клава Казак. Расскажу немного, как сложилась судьба нас восьмерых – ровесников, родных и друзей. Все мы получили высшее образование, некоторые еще и степени и звания, у всех нас есть семьи, дети и внуки (подробно писать о следующем поколении не буду, и так уже много имен, фамилий, родственных связей, – пусть молодые, наши дети и внуки, продолжат нашу историю сами).

К сожалению, несколько лет назад умерла Нина Лосина, по мужу Мишенина, бывшая стоматологом, это было большое горе для всех нас. Ее брат Боря Лосин живет в Санкт-Петербурге, доктор педагогических наук, работает в институте Лесгафта.

Галя и Саша Шейнины так и живут в Оренбурге. Галя продолжила врачебную династию следом за мамой Милей Григорьевной, она кандидат наук, замечательный врач, работает до сих пор. Саша занимается бизнесом. Еще он добровольно взял на себя заботу обо всех семейных могилах в Оренбурге, он у нас тоже центр семьи.

Соня Казак, по мужу Бажина, окончила Институт стали и сплавов в Москве, стала энергетиком, пойдя по стопам родителей. Их семья сначала переехала из Оренбурга в Орск и из Орска вернулась опять в Оренбург, Соня сейчас на пенсии, занимается внуками. Ее брат

Саша Казак живет в Москве, доктор наук, возглавляет научный институт «Газпрома». Талантом и характером он пошел в отца, Соломона Казака.

Я, Женя Нахмансон, Демидова по мужу, окончила матмех УрГУ, многие годы работала программистом, сейчас на пенсии, живу в Израиле и занимаюсь генеалогией. Пожалуй, я нынешний информационный центр семьи. Мой брат Лева Нахмансон – кандидат математических наук, живет в Америке, работает в Microsoft.

У нас на восьмерых – 18 детей и не поддающееся подсчету количество внуков.

А тогда, в конце 1950-х годов, семьи Шейниных, Лосиных, Казак, Нахмансон, Роговых – это был наш круг общения в Оренбурге. Мама рассказывала, как ей было трудно осваиваться в этом родственном клане. Родные все праздники встречали вместе, бесконечно ходили друг к другу в гости, на дни рождения и просто так. Кроме того, были еще бабушкины братья и сестры, жившие в Ташкенте, Павлодаре, и со всеми шло интенсивное общение, переписка, приезды в гости. . . Папа был очень родственным, очень любил своих тетей, дядей, двоюродных сестер. Мама довольно быстро стала в семье своей и полюбила и Милю и Нотика Шейниных, и Дину с Фимой Лосиных, и Соломона и Клаву Казак, и Роговых, тетю Соню и дядю Гришу! Чудесные, любимые люди моего детства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.